

княжестве, ненавистным, что так ярко выразил летописец в приведенной выше записи.

В начале XV века литовским князем был Витовт; с его именем связывалось представление о новых отношениях с Литвой, которые установились во время княжения Василия Дмитриевича и, несмотря на целый ряд столкновений и неприязненных действий Витовта против западных русских княжеств, в общем имели тенденцию к переходу в союзнические связи с Московским княжеством. Ягайло в это время был королем польским и назывался другим именем — Владислав. Непосредственно князем литовским Ягайло был очень непродолжительное время (1377—1385), и для человека начала XV века он, как историческая личность, если и был известен, то скорее всего как король польский Владислав. С именем же Ольгерда связывалось представление о характере русско-литовских отношений до Витовта, во второй половине XIV века. За именем Ольгерда стоял целый ряд представлений о конкретных исторических событиях, в которых он выступал как ярый враг Москвы, Русской земли. Поэтому, у читателя „Сказания о Мамаевом побоище“ образ литовского князя, врага Русской земли, вступившего в союз с Мамаем, чтобы идти войной на Русь, скорее мог ассоциироваться с именем Ольгерда, так как все его походы на Русь происходили незадолго до Мамаева побоища, во время фактического господства Мамаев в Орде. А через небольшой промежуток времени автор художественно-публицистического произведения тем более мог позволить себе произвести такое соединение двух врагов Москвы в действиях, столь важных для истории Московского княжества и Руси вообще, как битва на Куликовом поле. Автор памятника, разумеется, произвел эту замену имени литовского князя не в силу того, что и у него в сознании произошло это „перемещение“ исторических имен, а сделал это совершенно сознательно.

Делая союзником Мамаев Ольгерда, автор „Сказания“ тем самым особенно ярко подчеркивал силу и мощь московского князя. И татары, которые угнетали и подавляли Русь с злополучного года битвы на Калке, и литовский князь, который трижды угрожал Москве и нанес столько бедствий ее жителям, на этот раз потерпели поражение, так как с московским князем объединились почти все остальные русские князья и биться вышел весь русский народ. Ольгерд, старый опытный воин, о воинской хитрости и доблести которого с уважением и некоторым даже восхищением отзывается русский летописец, в „Сказании“ предстает перед читателем обманутым и посрамленным. Эта насмешка над исконным врагом Русской земли унижала в глазах читателя литовского князя, показывала превосходство Руси над Литвой.

Рассматривая принцип изображения героя в произведениях древнерусской литературы, В. П. Адрианова-Перетц пишет: „Оценка героя с определенной общественно-политической позиции лежит в основе каждого исторического портрета, который, таким образом, характеризует не только изображаемого исторического героя, но и самого автора, и классовую позицию того общественного строя, выразителем мнения которого является этот автор. В основе авторского выражения лежали реальные требования данного этапа развития феодального строя, поскольку эти требования признавались самим автором. Если герой в действительности и далек был от идеального выполнения этих требований, автор наделял его чертами примерного поведения, имея в виду поучительную цель — дать образец феодала данного исторического момента, показать его с лучших сторон, собрав эти стороны